

Александр
ЕЛИСЕЕВ

Как обуздать
олигархов

Александр Елисеев

Как обуздать олигархов

«Алисторус»

2012

Елисеев А. В.

Как обуздать олигархов / А. В. Елисеев — «Алисторус», 2012

Александр Елисеев – ведущий представитель правого крыла русской социалистической мысли. Кандидат исторических наук, в круг его интересов также входят политология, философия, религиоведение и экономика. В национальном движении с 1989 года. Принимал участие в обороне Белого дома в 1993 году. С начала 2000-х годов занимается публицистикой. Постоянный автор ряда сетевых изданий. В своей книге Александр Елисеев рассматривает русскую историю от смутных до путинских времен в поисках секрета: как нам обуздать олигархов. Ответ на этот вопрос знали и красные революционеры, и сталинские чекисты, и даже еще... ироды опричнины! Нам говорят: России мешают дураки и дороги. Автор убежден: России мешают олигархи! Именно они стоят на пути решения пресловутой «национальной идеи». В чем же, по мнению А. Елисеева, действенный рецепт того, «как нам обустроить Россию»? И что это за лозунг: к Русскому царству – через прямую демократию?

© Елисеев А. В., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ: ЧУЖЕРОДНОЕ ТЕЛО	9
РУССКИЙ РАБОЧИЙ КАК КРЕСТЬЯНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

А. В. Елисеев

Как обуздать олигархов

ВВЕДЕНИЕ

Когда перестройка взяла свой катастрофический разгон, то выяснилось – социализм у нас построен «не тот». Да и, как потом объяснили, это не вполне социализм и даже вовсе не социализм. И тогда все радостно решили, что «хороший» социализм надо искать за бугром.

Это уже под самый занавес нам стали всовывать иностранный капитализм, а вначале-то речь шла об иностранном социализме. Китайском, венгерском, югославском, шведском, датском – и так далее. Очень странно, что не обнаружили папуасский или бушменский социализм, – бурлящая перестроечная общественность проглотила бы и это.

Собственно говоря, именно этот поиск заемных моделей социализма и стал началом дичайшего чужебесия, которое охватило страну и развалило державу.

А ведь не мешало бы перестать крутить головами в разные стороны и посмотреть под ногами. Поискать свою – национальную модель. Тогда, помнится, все говорили о «социализме с человеческим лицом», но почему-то все эти «лица» обращались к нам с каким-то чужеземным акцентом. Между тем почти никто и не думал искать социализм с русским лицом.

Всем было некогда. «Горбачевцы» настроились на социал-демократию. «Ельцинцы» уже задумывались о капитализме. «Ортодоксы» хранили верность марксизму, рожденному в Европе XIX века. «Почвенники» внезапно открыли Столыпина и ратовали за «русского хозяина».

Между тем россыпи нашего, русского социализма просто валялись под ногами. Русский социализм, в искаженном виде, присутствовал и в «плохом» советском социализме, и в разных народнических концепциях, и даже в писаниях некоторых монархистов. Но самое главное – социализмом была насыщена вся практика государственного строительства в России.

Этого у нас не понимают до сих пор. Как и во времена Горбачева, все поиски «правильного» социализма сводятся к попыткам внедрить в России европейскую социал-демократию. Как будто исторический опыт не показал всю провальность социал-демократии на русской почве.

Вряд ли возможна реставрация (в том или ином виде) советского социализма. Хотя у него по-прежнему очень много сторонников. Недавно социологическая служба РОМИР провела опрос, в ходе которого пыталась выявить отношение россиян к проблемам общественного устройства. Из всех опрошенных 21 % высказались за возвращение социализма. В основном это люди старше 40 лет, проживающие в сельской местности и мелких городах. Очевидно, ностальгия по старым временам все еще очень сильна. Это, к слову сказать, характерно и для стран бывшего социалистического лагеря. Возьмем, для примера, Польшу. Согласно результатам исследования, проведенного Варшавским центром по изучению общественного мнения, 79 % поляков считают, что в Польской Народной Республике у людей было больше денег, чем сейчас. А 73 % отметили большее чувство безопасности в то время. Столько же респондентов были убеждены, что при коммунистах в общественной жизни присутствовало гораздо меньше вранья, чем в новую эпоху. Показательно, что наиболее популярен Эдвард Герек (ему отдали свои симпатии 46 %), возглавлявший страну еще до Войцеха Ярузельского. Что ж, и у нас многие сегодня симпатизируют Брежневу... И что уж совсем характерно – социалистические идеи получают большое распространение в нынешних США. Так, согласно опросу, проведенному службой «Гэллап», к социализму положительно относятся 36 % жителей США.

Разумеется, на одной ностальгии далеко не уедешь – тем более что она имеет обыкновение проходить. Но отношение к социализму в современной России вовсе нельзя сводить к одним лишь воспоминаниям об СССР. В этом плане крайне любопытными выглядят данные опроса, проведенного Центром социального прогнозирования. В ходе опроса за социализм эпохи СССР высказалось 16,4 % (это даже меньше показателей РОМИР). Но в то же время более 50 % выразили желание жить при «ином социализме», который совмещал бы социалистические и рыночные отношения. И только 20,2 % опрошенных отдали предпочтение «рыночному капитализму». То есть, как видно из данных опроса, большинство россиян – за социализм, но за социализм обновленный.

Что же это за «иной социализм»? И где его искать? Опять смотреть на передовой Запад? А если все-таки попробовать найти «формулу» собственного социализма – с русским лицом? Причем сделать это не по-доктринерски, упершись в труды левых теоретиков, но творчески – присмотревшись к истории русской государственности.

Тогда выяснится, что социализм у нас был задолго до Ленина и Сталина – с первых русских царей. Его отличал четко выраженный патернализм, стремление защищать интересы общества и всех социальных слоев непререкаемой силой государства. И элементы этого патернализма у нас сохраняются еще и до сих пор – не столько в политике властей (которая довольно либеральна), сколько в общественном сознании. Б. Макаренко, директор Центра политических технологий, отмечает по этому поводу следующее: «Пока государство имеет возможность подкармливать население, а действующая власть без риска финансовых проблем способна тратить деньги на социальные нужды, население будет голосовать за действующую власть, а не за оппозицию».

Итак, разговор зашел о русском патерналистском социализме. И тут надо сразу оговориться, что он является не столько левым, сколько правым. Под «правизной» здесь, само собой, не понимается либерализм гайдари-чубайсовского разлива, на базе которого был создан пресловутый «Союз правых сил». «Правый» – это значит сторонник сильной государственности, национал-консерватор и традиционалист. К нашему прозападному либерализму это не имеет никакого отношения.

Не случайно, кстати, до революции правыми назывались монархисты-консерваторы (они же – «черносотенцы»). А тогдашние «Чубайсы» типа Милюкова себя никогда бы к правым не отнесли.

Вообще, надо сказать, что тут в наличии очень древний и важный символизм. У индоевропейцев «правое» всегда отождествлялось с чем-то прямым, с сутью, истиной, существованием (бытием). Причем они неизменно противопоставляли ему «левое», связывая его с кривизной, ложью и небытием. Особенно ярко это проявилось у древних славян, знавших о некоем метафизическом противостоянии двух вселенских начал – Правды («правой») и Кривды («левой»). В духовных стихах, свод которых условно именуется «Голубиной книгой», читаем:

Это не два зверя собиралися,
Не два лютые собиралися:
Это Правда с Кривдою соходилася,
Промеж собой они бились-дрались,
Кривда Правду одолеть хочет...

По данным «Голубиной книги», Кривда одержала победу на земле, а Правда ушла на небо. Тут уже содержится прямое указание на высшие, потусторонние реальности – «прямое правое» связано с верхом, а «кривое левое» – с низом.

Следует учитывать, что «левое кривое» не всегда символизировало зло – часто оно применялось для характеристики потустороннего земного, понимаемого как некая онтологическая оппозиция потустороннему небесному. Так, славяне относили мужское начало к правому, тогда как женское – к левому – кое-где и до сих пор во время свадеб и погребений женщины стоят слева от мужчин. Выдающиеся исследователи славянской мифологии В. В. Иванов и В. В. Топоров писали: «Противопоставление правый – левый лежит в основе древнего мифологизированного права (право, правда, справедливость, правильный и т. п.), гаданий, ритуалов, примет». Еще и сегодня бытует характерное выражение: «Даю правую руку на отсечение». Оно есть отголосок тех времен, когда, выступая на суде, человек апеллировал к правой, небесной стороне и изъявлял готовность принести ей в жертву свою правую руку, если его показания не будут правдивыми. Сам древний суд вершился князем, символизировавшим Божественное Небо. Позже немало судебных функций останется за монархом, который обладал тем же символизмом. (В этом плане немаловажным будет заметить, что пресловутое разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную является одним из ярчайших проявлений десакрализованного либерализма.)

Оппозиция правого и левого характерна и для христианства. Так, считается, что во время Страшного суда праведники будут находиться по правую руку от Христа, грешники – по левую. За правым плечом человека помещают ангела-хранителя, тогда как за левым – беса-искусителя.

Весьма любопытным будет обратиться к одной из ритуальных практик времен правления царя Иоанна IV Грозного. Входе разных дворцовых церемоний представители опричнины размещались по правую руку от царя, а представители земщины – по левую. Это носило глубочайший символический смысл – опричные территории рассматривались как некий небесный удел на земле (отсюда противопоставление земщине), как царство земных ангелов, воинов-монахов, управляемых царем-игуменом.

Таким образом правое, в противоположность левому, характеризует нечто священное, религиозно оправданное, благое и мужественно-героическое. Оно связано с Небом и устремляется к нему. Ввиду этого определение «правый» больше подходит традиционалистскому, национально-консервативному движению, выступающему за религию, империю, вождя и иерархию. Понятно, что такая правизна не имеет ничего общего с буржуазно-либеральными подделками. (В Европе правыми долгое время считались роялисты – сторонники монархии и враги буржуазной революции. И лишь потом «правая» была приватизирована буржуазными политиками. В России же эта приватизация идет со скрипом, СПС широкой поддержкой не пользуется. Таким образом, «левым» – изначально – был капитализм. А западный социализм был уже реакцией крайне левых Европы на ужасы раннего капитализма. И реакция эта оказалась совершенно неадекватной, нигилистической.)

Так вот, русский социализм – это правый социализм – самобытный и государственный. Именно он столетиями лежал в основе существования российской государственности. И когда с этой основы сошли, то государство оказалось в огне революции. Но при этом Россия все равно не пошла по либерально-капиталистическому пути и выбрала левый социализм, идеологически разработанный на Западе. В данном социализме Сталин сумел найти правые, традиционалистские элементы, используя их в государственном строительстве.

Вот об этом и будет рассказано в данной работе, которая есть нечто среднее между историческим исследованием и политическим сочинением. И здесь будут частые ссылки не только на труды историков, но и на работы политиков – это позволит лучше понять сущность и стиль жесточайшего политического противоборства вокруг социализма и капитализма. Причем особый упор будет сделан на политических сочинениях дореволюционных русских монархистов.

Надо сказать, что этот пласт нашей общественной мысли изучен пока еще очень недостаточно. Особенно это касается социально-экономических воззрений русских консерваторов, а ведь у нас разговор пойдет как раз об общественном устройстве России.

Кроме того, монархисты имели все возможности создать правую версию социализма, которая смогла бы противостоять и либерализму, и прозападному, левацкому марксизму. Они эту возможность упустили, но к правому социализму подошли достаточно близко.

Поэтому не помешает пристальнее посмотреть на русскую историю глазами монархистов – здесь можно обнаружить много необычного. И поучительного.

У нас привыкли смотреть на «черносотенцев» (кстати, название очень условное, ставшее пропагандистской страшилкой) или как на злобных и коварных погромщиков, или как на простоватых, хотя и честных патриотов-охранителей. На самом деле монархическое движение той поры могло похвастаться блестящей плеядой идеологов, публицистов и экономистов. Их перу принадлежит множество интереснейших книг, брошюр и статей, большинство из которых не утратили своей актуальности и до сих пор.

Итак, вроде бы все необходимые пояснения сделаны. Пора, что называется, раскрывать тему. Но перед тем, как говорить о социализме в России, поговорим о его антиподе – капитализме. Надо выяснить – насколько глубокие корни он имел в нашей стране.

КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ: ЧУЖЕРОДНОЕ ТЕЛО

Спор о том, плох капитализм в России или хорош, особого смысла не имеет. Точнее, имеет – если только речь идет о философии. Но когда мы обсуждаем – каким строим жизнь нам, русским, то здесь философия не очень пригодна. Гораздо полезнее обратиться к истории, сравнив хотя бы развитие городского уклада у нас и на Западе.

Вспомним, что в средневековой Руси так и не возникли вольные городские коммуны. В Европе монархи в борьбе с аристократией часто давали горожанам различные вольности и тем самым невольно укрепляли будущего своего могильщика – буржуазный уклад. Русская монархия этого опасного противовеса избегала, предпочитая напрямую контролировать все социальные группы. Города на северо-востоке Руси в XIII–XV вв. продолжали оставаться феодальными. А их купеческая верхушка была теснейшим образом связана с феодальной княжеской властью. Эту самую власть она же и кредитовала, выполняя ее различные финансовые поручения.

В коллективной монографии «Власть и реформы. От самодержавия к советской власти» об особенностях русской городской жизни пишется с плохо скрываемой досадой: «Города на северо-востоке страны хотя и имели ряд вольностей, были административными центрами волости во главе с князем. Это неизбежно вело к его вмешательству во внутреннюю жизнь города, где отсутствовали коммуны, не получили развития городские вольности и свободы, приобретаемые в результате длительной и кровавой борьбы горожан, подобно тому, как это произошло в странах Западной Европы».

Здесь сразу же обращаешь внимание на «длительную и кровавую борьбу». Так и хочется задать вопрос – а нельзя ли поподробнее? И действительно, об этой борьбе можно сказать много чего поучительного. Например, о том, что иногда в борьбе с феодалами погибали целые городские общины, а города подвергались повальному разорению. Или о том, что внутри самой городской общины часто разгорались кровавые конфликты.

Надо заметить, что в старинной Европе с ее «прогрессивным» городским укладом люди жили из рук вон плохо. Даже и в просвещенном XVIII веке Жан Лабрюйер, путешествующий по Франции, замечал: «Всматриваясь в наши поля, мы видим, что они усеяны множеством каких-то диких животных. Когда кто-либо из них поднимается на ноги, у них оказывается человеческое лицо. На ночь они прячутся в свои логовища, где живут черным хлебом, водой и кореньями».

Только в одном 1715 году во Франции от голода вымерло около трети населения. А в малюсенькой Саксонии в 1772-м количество погибших от этого социального «недуга» составило 150 тысяч.

Иную картину дает нам «отсталая», еще не пошедшая по «прогрессивно-европейскому» пути Московская Русь. Хорват Юрий Крижанич (XVII в.) с изумлением и негодованием пишет о московитских порядках: «Люди даже низшего сословия подбивают соболями целые шапки и целые шубы, а что можно выдумать нелепее того, что даже простолюдины и крестьянки носят рубахи, шитые золотом и жемчугом? Шапки, однорядки и воротники украшают нашивками, шариками, завязками, шнурами из жемчуга, золота и шелка».

Не следует забывать, что «прогрессивное развитие капитализма», которое столь умиляет наших западников, стоило Европе гигантских жертв. В Англии предприимчивые помещики-ленорды согнали с земли все крестьянское население. Это было сделано с тем, чтобы заставить крестьян работать на мануфактурах, которые принадлежали обуржуазившимся «новым дворянам». За сопротивление сгону с земли полагалась смертная казнь. И английские реформаторы-прогрессисты не стеснялись. При одном только Генрихе Восьмом казнили 70

тысяч, 90 тысяч – при его внучке Елизавете (все население Англии – три миллиона!). Смертная казнь полагалась за 6000 видов преступлений – например, за кражу курицы.

Вообще развитие капитализма в Европе всегда сопровождалось жесточайшим уголовным террором, который был призван навязать людям религиозное отношение к священной «частной собственности». Еще и в XIX веке подростка в Англии могли повесить за кражу в лавке. Щедро раздавалась и каторга. Вспомним хотя бы Жана Вальжана из «Отверженных» Гюго – этот бедняк получил пять лет каторжных работ за кражу из булочной каравая хлеба!

В том же самом XIX веке в САСШ законы разрешали фермеру безнаказанно убить человека, подошедшего к ферме менее чем на сто шагов, а безбилетных людей могли сталкивать прямо с поезда. Законодательство буржуазной Франции предписывало сажать в тюрьму рабочего, не нашедшего применения своему труду в течение трех месяцев.

Впрочем, наряду с уголовным имел место быть и политический террор. Во Франции в ходе т. н. Великой Французской революции была развернута самая настоящая революционная война против крестьянского населения. Буржуазные революционеры-якобинцы практически полностью вырезали Вандейскую область, которую населяли крестьяне, особо приверженные традиционным ценностям и бывшие верными церкви и королю.

Кстати, именно крестьяне, составлявшие основу армии Бонапарта, больше всех пострадали в ходе «наполеоновских войн», представлявших собой авантюрную попытку завоевать всю Европу, а также Россию. В битве при Ватерлоо (1815 год) Наполеон был вынужден бросить в бой пятнадцатилетних подростков – настолько оказалась обескровлена крестьянская Франция, которая уже не могла давать новых солдат. Таким образом, оставшееся в живых «инициативное» меньшинство крестьян получило возможность относительно стабильно богатеть. (В Германии обошлись более «гуманно» – там большую часть малоземельных крестьян вытеснили из страны богатые крестьяне. «Неудачники» вынуждены были отправиться за океан, в Америку.)

В России вплоть до XX века таких ужасов не было. Да и в революционную эпоху большевики не додумались до того, чтобы согнать с земли всех крестьян. А Сталин не брал в армию подростков даже тогда, когда немцы стояли под Москвой.

Поэтому вряд ли есть основания переживать по поводу того, что мы не пошли по пути Европы. Это такой кровавый путь, который нам и не снился. За свое нынешнее процветание Европа заплатила столетиями беспрерывных ужасов.

У нас же капиталистический уклад (уклад, а не капитализм как таковой!) появился на столетия позже, чем в Европе, в середине XIX века. Пережив бурное развитие, он попытался перерасти в капитализм, но российская буржуазия не удержала политическую власть, захваченную в 1917 году. И это при том, что сама буржуазия была очень активной и деловую хватку имела медвежью. Российский буржуа выигрывал экономически, но проиграл на ниве политики.

Экономически сметливая буржуазия оказалась политически недалекой, что наглядно демонстрирует февральский переворот – акт потрясающего идиотизма (об этической стороне вообще умолчим). Свергать главу государства, ведущего ожесточенную войну, – для этого нужно иметь довольно-таки плохие мозги! Ясно ведь было, что это приведет к грандиозной радикализации населения и, как следствие, стремительному смещению далеко влево – к революционным социалистам.

Само вызревание российского капитализма происходило как-то ублюдочно, по-«социалистически». Крупные отечественные капиталисты изначально не были предпринимателями, они выходили из среды управленцев. Перед тем, как стать бизнесменами, они служили чиновниками – директорами акционерных предприятий и т. п. А знаменитые московские купцы-староверы, такие, как Рябушинский или Мамонтов, начинали свою буржуазную карьеру в качестве распорядителей при старообрядческих общинах. Понятно, что говорить о полноценной

предпринимательской ментальности здесь не приходится. Такая «ублюдочность» российского капитала ярко проявилась в деятельности многих буржуазно-либеральных политиков. Так, заместитель председателя ЦК кадетской партии кн. Д. Шаховской был приверженцем некоего «соборного социализма» (социалистическим идеалам, в той или иной степени, симпатизировала половина членов ЦК).

Уже после Февральского переворота либеральные политики из временного комитета Государственной Думы создали т. н. Союз эволюционного социализма (его возглавил известный философ Н. Лосский). Торгово-промышленный союз активно использовал в своей пропаганде образ революционного пролетария (!) и типично социалистическую лексику.

Можно также привести в пример Д. И. Шаховского, одного из лидеров кадетов. Он выдвинул концепцию «русского соборного социализма», основанного на преобладании кооперативного хозяйства.

Да что там говорить, если с апреля-мая 1917 года роль главных защитников капитализма взяли на себя умеренно-социалистические партии – эсеры и меньшевики, считавшие, что российский капитализм еще не исчерпал всех своих возможностей и социалистическая революция является отдаленной перспективой. При этом классические либеральные группировки (кадеты, октябристы) стремительно теряли свою популярность и уже не могли претендовать на роль авангарда буржуазной революции.

Да какой уж там авангард, когда сам российский капитализм плелся в хвосте у иностранного! Утверждать обратное – значит игнорировать многочисленные факты господства зарубежных капиталистов в ведущих отраслях отечественной промышленности. Вообще стоит говорить о наличии внутри российской экономики двух мало связанных между собой укладов, один из которых был национальным и самобытным, другой – жестко ориентированным на западные рынки.

Профессор С. Первушин установил, что периоды спада и подъема дореволюционной русской промышленности не совпадали с колебаниями ее общего производства. И в то же время они полностью соответствовали изменению курса ценных бумаг на Парижской бирже. «Получалось, – комментирует эти данные историк Ю. Бокарев, – что капиталистическая промышленность в российском народном хозяйстве была до известной степени инородным телом, чье развитие зависело не от поступлений сельскохозяйственного сырья и колебаний крестьянского и помещичьего спроса, а от размеров иностранных капиталовложений».

Таким образом, капиталистический сектор представлял собой вненациональный, прозападный экономический уклад – в отличие от аналогичного уклада времен вызревания буржуазных отношений на Западе. Тот хотя бы черпал свои основные ресурсы из местной деревни, что и сообщало ему некую органическую крепость (пусть она и носила паразитический характер). Наш капитализм, пожалуй, не был и подлинным паразитом. Скорее он – шмат грязи, быстро снятый металлической щеткой большевизма.

Экспансией иностранного капитала были недовольны самые разные общественные слои. Но, пожалуй, самую убийственную их критику дали русские монархисты-консерваторы.

«Главный враг России – иностранный капитал, – уверенно заявлял А. Г. Щербатов, один из основателей Союза русских людей. – Перед иностранным капиталом заискивают русские государственные люди; ездят к нему на поклон в иностранные финансовые центры, как в былые времена русские князья ездили в Орду, представителей его встречают чуть ли не с царским почетом, от мановения его властной руки зависит – начнет ли Россия войну или нет, примет ли она невыгодные условия мира или нет».

По его разумению, самостоятельность Российского государства была только кажущейся, и он предсказывал, что вскоре вся отечественная промышленность будет в руках у иностранцев, а русские «будут использоваться как чернорабочие и низшие служащие».

Конечно, далеко не все русские националисты смотрели на перспективы развития российской промышленности столь пессимистично, но все, так или иначе, разделяли тревогу Щербатова.

При этом они приводили конкретные данные, отслеживая ситуацию по регионам. Некто Л. Г., анонимно оппонировавший министру С. Ю. Витте, отмечал, что «южная промышленность выросла, главным образом, на иностранных капиталах, строили ее иностранные инженеры и по иностранным образцам». Из 18–20 доменных заводов русскими можно назвать только Сулиновский завод и два завода Брянского общества. Причем заводы не только строились иностранцами, иногда их просто покупали. Л. Г. называл случай, когда «заводы прямо покупались за границей и целиком, со всем их устройством, перевозились в Россию» (пример – трубопрокатный завод Никополь-Мариупольского общества).

Печатный орган Союза Михаила Архангела журнал «Прямой путь» выражал тревогу по поводу того, что «...большинство бакинских нефтяных заводов скуплено небольшой кучкой иностранных миллионеров-монополистов». Журнал разоблачал авантюрную деятельность трех английских компаний «Anglo-Maikop», «Maikop-Pipe-Line», «Maikop-Victory», направленную на дезинформацию общественности. Компании через свою агентуру уверяли россиян в больших неудачах, якобы постигших нефтеразработку в районе Майкопа. Это делалось с целью последующей скупки сырья по дешевой цене. Монархист В. В. Есипов писал о настоящем вторжении немецкого капитала в Лодзинский район, практически полностью перешедший под его экономический контроль. Сверх того, свою долю урвали бельгийцы и англичане, купившие инфраструктуру города.

Какой-либо пользы от иностранных капиталистов правые не видели. В. И. Гурко считал, что они только эксплуатируют Россию, не внося в ее экономику какого-либо значимого вклада. Он полемизировал с теми, кто указывал на роль иностранного капитала в хозяйственном подъеме Англии и САСШ. Согласно ему, в случае с этими странами можно говорить о прибытии не столько самих капиталов, сколько их обладателей, окончательно там обосновавшихся. В Россию же текут капиталы, прибывшие «на побывку». С их помощью иностранные дельцы извлекают из страны барыши, которые невозможно получить в данный момент на родине. Как только условия уравниваются, прибыль возвращается обратно. Такие капиталы являются «громадными щупальцами, которые... протягивают в чужеземные страны и при помощи коих втягивают в себя их богатство». При этом даже крушение предприятия не всегда позволяет вернуть эту прибыль стране пребывания. Сие возможно лишь тогда, когда «до наступления промышленного кризиса предприятия пережили несколько благоприятных лет, в течение которых успели, в виде прибыли, вернуть акционерам весь вложенный в них капитал».

Не была обойдена и тема спекуляции. Экономист Л. Н. Воронов утверждал, что «большинство иностранных предприятий отличается спекулятивным характером». Они рассчитывают на получение высокооплачиваемых казенных заказов и вообще на высокие цены выпускаемой ими продукции. Данные предприятия плохо выдерживают сравнительно небольшие колебания цен и вместо удешевления товаров ходатайствуют о выдаче вывозных премий для искусственного повышения цен. «Устроенные в погоне за быстрой и легкой наживой, – писал Воронов, – иностранные предприятия спешили, с первых же лет деятельности, выдавать крупные дивиденды, не изучая условий рынка, не приспособившись к его требованиям».

Много писал об иностранном засилье Л. А. Тихомиров – бывший народник, ставший одним из ведущих теоретиков монархизма. По его утверждению, в случае привлечения зарубежного капитала на долю России приходится только заработная плата, в некоторых случаях – рента. Срок нахождения предприятий в собственности у иностранцев никогда не истекает, в крайнем случае, они идут на продажу. Все то, что они получают, тратится на расширение собственной, иностранной эксплуатации.

При этом издержки иностранного производства минимальны, ибо кадры их по большей части свои, иностранные. Небольшая компенсация, получаемая Россией в виде доходов казны, минимизируется и практически сводится на нет потерей в таможенных доходах. Происходит определенное облегчение доступа к займам, но занятые деньги тратятся на покупку тех же товаров иностранного происхождения. А иностранные дельцы тем временем получают в дополнение ко всему еще и свой промышленный процент.

Но мало того, интенсивное привлечение чужеземного капитала происходит в условиях протекционизма, вроде бы призванного охранять интересы российской промышленности, а на деле поддерживающего иностранцев, осевших в России. Если ранее иностранный капитал «должен был бороться своими товарами против наших пошлин», то «теперь он сам попадает под их защиту». «Он производится в России, – отмечал Тихомиров, – и не только не платит таможенных пошлин, но их существование обеспечивает ему промышленный процент прибыли».

Идеологи Союза Михаила Архангела обращали внимание на несуразность экономической политики правительства. Она проявлялась в том, что зарубежные нефтяные короли очень успешно пользуются специальным вывозным тарифом, позволяющим им постоянно взвинчивать цены. В итоге 5–6 млн. рублей ежегодно перекладываются в «широкие карманы мирового треста». Этот же тариф способствует вывозу за рубеж огромного количества «продуктов первой необходимости, например, керосина, оставляя впотьмах нашу деревню».

Иностранный капитал представлялся русским националистам начала XX века в качестве грандиозной паразитической, спекулятивной силы, эксплуатирующей Россию.

Особое звучание имела тема наплыва в Россию иностранных товаров. Данной проблемой специально занимался А. И. Череп-Спиридович, идеолог крайнего, консервативно-монархического панславизма. Водном из своих докладов Московскому славянскому обществу (1911 год) он подробно и красочно описал процесс захвата российского рынка иностранными изделиями. «Мы знаем, – говорил Череп-Спиридович, – какая безработица на Урале, знаем и то, как богат он всевозможными рудами; мы же выписываем у иностранцев на 23 млн. руб. дешевых металлов, на 27 с половиной млн. руб. изделий из простых металлов и на 80 млн. машин...». Он поражался тому, что Россия – страна лесов – в 1907 году уплатила за импортный лес 12 млн. руб. и 3 млн. руб. за столярную поделку, тогда как даже декоративные сорта леса (кроме черного дерева) растут на Кавказе.

Доходило до очевидного абсурда. Имея в распоряжении такие отличные минеральные воды, как «Боржоми» и «Нарзан», наша страна выплачивала немецким производителям 700 тыс. руб. за воду «Аполинарис». «Вы с отвращением бросите воду эту, – предсказывал Череп-Спиридович, – не имеющую ничего минерального... когда узнаете, что берут ее из источника, расположенного рядом и ниже кладбища, которое во время дождей размывается...». А вода «Маттони-Гистюблер», навязываемая отечественному потребителю, вообще принадлежала подданному Австро-Венгрии, ведущему на вырученные от ее продажи деньги бешеную антирусскую пропаганду.

Как и сейчас, русских националистов весьма беспокоила преимущественно сырьевая ориентация отечественного экспорта. М. О. Меньшиков обратил внимание на следующее: «Обмен сырья на фабрикаты почти равносильен промену капитала на проценты. Страны, отпускающие сырье, торгуют, в сущности, собственной кровью, они не только истощают... истощаемые запасы своей природы – почву, леса, недра гор, но как бы ставят крест над собственной народной энергией. Последняя обрекается на самые тяжкие, наименее производительные, рабские формы труда. Задержанный в качестве сырья труд вынужден растрачиваться в количестве; чтобы получить из-за границы фунт обработанного металла или шерсти, нужно отпустить туда 3 пуда хлеба или масла».

С точки зрения Меншикова, в России начала XX века происходило удушение отечественных производств, заранее лишенных возможности развиваться в условиях конкуренции с намного более лучшими товарами. Образованное общество оказалось развращено иностранными товарами и бездумно кормило население западных держав. «Если вы купите аршин сукна в Англии, – предупреждал Меншиков, – вы дадите дневную работу англичанину». А ведь тот же аршин, купленный дома, мог бы накормить семью русского рабочего.

Получалось, что образованные и состоятельные люди переводят свои доходы за рубеж и кормят «как неприятельскую армию, целое сословие рабочих и промышленников чужой страны». Вывод, к которому пришел Меншиков, прозвучал (и, наверное, прозвучит сейчас) весьма необычно для большинства россиян – русский народ живет плохо не потому, что мало работает, а потому, что работает много, сверх сил, направляя избыток своей работы соседям-иностранцам.

Русские националисты предлагали конкретные меры по противодействию экономической экспансии западных держав. При рассмотрении этих мер необходимо особо выделить два довольно жестких проекта Меншикова и Тихомирова, предусматривавших «автаркизацию» российской экономики, уход страны в замкнутое, экономически самодостаточное пространство.

Первый выступил с апологетизацией «государственного одиночества», обосновывая свою позицию рискованным, но ярким сравнением с деятельностью талантливой личности: «Великие вероучители и вожди человеческие обыкновенно были одиноки – и никогда мысль их не была блистательнее, чем в это время. Но даже святые истины теряли в глубине и ясности, когда делались достоянием многих».

Меншиков видел в государстве организм, который стремится, прежде всего, к развитию собственных сил, к достижению самодостаточности. Он склонялся к тому, чтобы свести взаимодействие этих организмов к минимуму. Ему, этому взаимодействию, он приписывал отрицательные последствия, связанные с ростом финансово-экономической «агрессивности». Мыслитель полагал: «Может быть, именно кипучий обмен товаров, причем каждая нация старается сорвать побольше со своего соседа, доводит международные отношения до теперешнего раздражения... Сильно расторговавшись, народы утрачивают благоприятный склад души... начинают смотреть друг на друга не как на друзей или честных врагов, а как на коммерческую добычу».

Меншиков много размышлял о положительных последствиях создания «автаркийной», самодостаточной экономики. Замкнутость, с его точки зрения, способствует тому, что национальное богатство не тратится и «в общей сумме только накапливается». «Это как в налаженном хозяйстве, – прибегал он к излюбленному методу сравнений, – скормленный овес не исчезает совсем, а превращается частью в мускул скота и новую работу, частью в навоз и новое плодотворие». Автаркийность укрепляет тех, кто твердо стоит на родной экономической почве, разоряя хозяев, ориентированных за рубеж.

Тихомиров тоже был сторонником максимально возможной автаркии. По его замыслу, она должна была основываться на гармоничном взаимодействии всех территорий страны и ее производительных сил: добывающих и обрабатывающих. Согласно Тихомирову, задачи гармоничной экономики заключаются в том, чтобы «все отрасли естественных богатств... не лежали втуне, а энергически разрабатывались и перерабатывались своей же фабрично-заводской промышленностью».

В торговом отношении промышленность должна ориентироваться на внутренний рынок, добывая нужное для страны и перерабатывая его на национальных фабриках и заводах. Тогда население получает новые способы увеличения своего благосостояния, складываются условия для «самой тонкой специализации труда». Деревенские жители получают обширный рынок в городах, города – в деревне. При автаркии «нация достигает не только наивысшего экономи-

ческого обеспечения, но ведет и наиболее благородное экономическое существование, чуждое эксплуатации... труда менее развитых стран».

Правый экономист Н. Н. Шипов сосредоточился на вопросах таможенной политики, призывая активно препятствовать вывозу сырых материалов и, наоборот, поощрять экспорт обработанной продукции: «Словом, весь вывоз сырья мы должны постепенно превратить в фабрики и полуфабрикаты и тем дать колоссальные заработки русскому национальному труду, в ущерб заграничному». Особое покровительство, в виде процентов от доходов с таможенных пошлин, обещалось новым отраслям промышленности. Характерно, что вопросы их развития Шипов тесно, неразрывно связывал с вопросами протекционизма, так что второе фактически предшествовало первому.

Патриотическая организация «Русское собрание» в своих программных документах предлагало устранить иностранцев от казенного судостроительства, подрядов и поставок в казну. Схожие требования предъявляли Союз русского народа и Национальный союз землевладельцев и промышленников. Последний выступил еще и за увеличение числа русских консулов на иностранных рынках, призванное усилить защиту отечественных промышленников.

Череп-Спиридович решительно настаивал на резком сокращении ввоза иностранных товаров и требовал платить за хорошие русские товары те же цены, которые платят за иностранные. Он ставил в пример современные ему САСШ, бойкотировавшие и вытеснявшие японские товары. Череп-Спиридович также советовал учиться у Болгарии, которая в начале XX века ввела закон, предписывавший всем государственным чиновникам довольствоваться только продуктами отечественного производства. Положительно оценивалось им и введение болгарскими запретительных пошлин на иностранные товары.

Естественно, русские националисты начала XX века предпринимали и практические шаги по реализации своих протекционистских программ. Например, думская фракция Всероссийского национального союза (период третьего созыва) выступила инициатором пересмотра всей организации консульской службы. Ее представители заявили, что консулы должны служить, в первую очередь, торговыми агентами, а не чиновниками дипломатической части. «Националисты» хотели, чтобы их главной обязанностью была защита русских национально-экономических интересов. Не отставала от них и «родственная» (в политическом отношении) фракция правых. Ее представитель Н. Е. Марков отчаянно оппонировал в Третьей Государственной Думе авторам доклада по смете интендантского управления либералам А. И. Гучкову и В. В. Хвощинскому. Он упрекал их за излишнее пристрастие к производству хлопчатобумажных тканей в ущерб льняной промышленности. «Лен это есть природный русский продукт, – замечал Марков, – именно на льне живет природный русский крестьянин, а хлопчатая бумага получается из Америки, из-за границы, в лучшем случае из окраин нерусских... и вообще из нерусских мест».

В самый разгар критики инородного засилья (1906 г.) был создан черносотенный Союз народной торгово-промышленной самопомощи, учредители которого боролись за «русификацию промышленности и торговли». Они выступали за создание системы взаимной поддержки предпринимателей-националистов.

Нарисованная картина была бы неполной без одного, но значимого дополнения. Очень многие националисты опасались резкого и радикального противостояния экономическому напору западных держав. Они предпочитали постепенное накопление материальных сил при известном, но в той или иной степени жестком ограничении иностранных влияний. Типичный образец подобной тактики дает С. В. Зубчанинов, автор специального доклада о борьбе с немецким засильем в экономике на XI (1915 года) съезде Объединенного дворянства (консервативная организация дворянских губернских собраний). Разоблачая экспансионистскую деятельность иностранцев в России, он признавал необходимость функционирования зарубежных

предприятий, надеясь со временем, получить от них средства, которые можно будет потратить на борьбу... с самими иностранцами.

Тут, безусловно, сказалась непоследовательность русских националистов в противостоянии чуждому России и русским традициям капитализму, игравшая на руку иностранным капиталистам.

В ряде случаев ограничения на деятельность чужеземных предпринимателей шли вразрез с интересами аграрно-патриархальной России. В подтверждение тому можно затронуть вопрос об импорте в Россию западной (в основном немецкой) сельскохозяйственной техники. Многие правые помещики, крайне нуждающиеся в ней и не имеющие возможности пользоваться маломощной отечественной продукцией, весьма отрицательно относились к таможенным ограничениям на поставку зарубежных машин и орудий. Консерватор Э. А. Исаев заявлял делегатам X съезда Объединенного дворянства: «... Нельзя оставлять отечественную промышленность без покровительства, нельзя убивать ее беспощинным ввозом иностранных товаров, но вместе с тем нельзя поощрять и интересы заводчиков. Наши тарифы должны быть урегулированы таким образом, чтобы они имели характер охранительный, а не запретительный».

Впрочем, правые имели в виду не только пресловутые «классовые» интересы дворянства. Они учитывали интересы всей аграрной сферы, обращаясь к положению крестьян. Депутат думской фракции «националистов» Синадино, критикуя министерство промышленности за политику резкого ограничения ввоза иностранных сельскохозяйственных машин, указывал, что если дворянство могло платить на 25–30 % дороже за сложные земледельческие орудия, то крестьянство, находящееся «накануне ломки всего своего образа мыслей», этого не сможет.

Вряд ли в данном случае можно упрекнуть правых в отсутствии достаточного патриотизма. Правительственная политика протекционизма зачастую была по интересам довольно широких социальных слоев. Да, ввоз каких либо промышленных товаров ограничивался, но в то же время не происходило сколько-нибудь заметного прорыва в производстве аналогичной отечественной продукции.

В любом случае, несомненно то, что русские правые оценивали деятельность иностранных капиталистов крайне отрицательно и видели их засилье в России. Но вот что показательно – никто из них не потребовал национализации иностранного капитала. Казалось бы, это было вполне логичным, учитывая весь его грабительский характер. Но правые не могли допустить и мысли о какой бы то ни было национализации. И этот сверхконсерватизм сыграл с ними очень злую шутку.

Традиционалисты не желали потрясения, и это желание можно понять. Но обойтись без потрясений вообще нельзя, иногда они становятся неизбежными. Капитализм душил Россию и прямо бросал ее в зависимость от иностранного капитала. В этих условиях необходимо было потребовать решительных мер по спасению страны. Как знать, будь у националистов чуть больше радикализма, и, может быть, в Кремле сидели бы они, а не Ленин с его командой. Но правые продолжали опасаться, тогда как социалисты звали массы на приступ. И массы пошли за ними.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ КАК КРЕСТЬЯНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Если буржуазия проявила ужасающую политическую слабость, то российский рабочий класс показал себя как мощная, хорошо организованная социальная сила. Он достаточно быстро отделил свои интересы от интересов буржуазии. Используя марксистскую терминологию, можно сказать, что российские рабочие очень рано перестали быть «классом в себе».

В России (стоявшей на пятом месте по уровню развития промышленности) была самая большая концентрация производства и рабочей силы, что способствовало росту самоорганизации «пролетариата». В 1913 году на крупных отечественных предприятиях (свыше 1 тысячи работников) трудилось 39 % всех рабочих (в Германии – 10 %). В одном только Петербурге было сосредоточено 250 тысяч фабрично-заводских пролетариев, что составляло одну десятую всего рабочего класса. К тому же среди российских рабочих было больше всего молодых (по сравнению с другими социальными группами). Люди в возрасте до 20 лет составляли 26 % рабочих, от 20 до 39–55 %. А стоит ли говорить – насколько радикально всегда настроена молодежь?

Показательно, что в революционном движении активно участвовали рабочие высокой квалификации, составляющие 10 % от всего рабочего класса.

Как представляется, недовольство капиталистами со стороны российских рабочих было не столько экономическим – обычно экономическая борьба рабочих оканчивается всего лишь уступками работодателей. Кризис поразил не столько систему распределения, сколько систему управления. Рабочим не нравилось то, что ими управляют буржуа, которых в России воспринимали как некое чужеродное явление. Вот если бы фабриками и заводами командовали «царевы слуги»... А еще лучше – артель!

Вот, к слову сказать, артель и была вполне социалистической организацией. Она представляла собой высокоэффективную хозяйственную организацию, члены которой всегда получали огромный материальный стимул к хорошей работе – великолепные заработки. Они во много раз превышали заработки наемных рабочих – и государственных, и «частных». Ответственная собственность отрицает присвоение прибавочной стоимости одним лицом, частью хозяйственного коллектива или государством. Доходы распределяются между всеми его представителями, но не уравнительно, а, так сказать, иерархически, в соответствии с конкретным положением работника. Следовательно, заработок работника коллективного предприятия намного выше заработка наемника – к обычной заработной плате добавляется еще и часть предполагаемой прибавочной стоимости, благодаря чему и возникает мощный стимул к труду.

Дореволюционные артельные рабочие всегда выигрывали по сравнению с работниками частных и государственных предприятий. Например, зарплата ярославских строителей, артельно работающих в Петербурге, составляла примерно 400–500 руб. в год (вторая половина XIX в.), тогда как работающие по найму зарабатывали не более 80 руб. Подобная оплата труда способствовала значительному снижению себестоимости. Так, артель Нижнетурьинского завода поставляла казне ударные трубы по 38 коп. – ранее государство было вынуждено платить за них по рублю. Другая артель взяла подряд на 25 тыс. руб., за который частные собственники просили 80 тыс. руб.

Артель достигала эффективности сугубо материальных отношений, но не предавала забвению и отношения духовные, особо акцентируя внимание на трудовой солидарности и братолюбии. Замечательный русский экономист М. Берви-Флеровский писал: «Русский работник не может жить без артели, везде, где работает несколько человек, составляется и артель: причем они не преследуют цель наживы. Главное – потребность общения... Отношение между

капиталистом и работником холодное, оно основано на одном расчете... Артельная жизнь, не слишком строгий расчет, где иногда место денежного вознаграждения занимает уважение – вот его настоящая сфера; работник при этом не теряет ни своей индивидуальности, ни достоинства, заслугу трудно оценить на деньги – он для артели сделает из уважения, артель ему за это оплатит почетом».

Артельная этика побуждала каждого рабочего считать свое предприятие действительно своим, чувствовать себя полноценным хозяином, жизненно важной «частью» единого организма.

Вообще настоящие артели были своеобразными священными общинами, ибо их деятельность строилась на основе православного отношения к окружающему миру. Такая артель имела особое место для решения всех общих вопросов – оно располагалось у иконы (у образа). Неявка считалась прогулом, даже если работник не терял ни минуты собственно рабочего времени.

Вот бы что нужно было поддерживать русскому правительству! Но, увы, оно уцепилось за все эти банки и биржи. Зато большевики как раз и предложили российским рабочим нечто среднее между казенным заводом и артелью – предприятие, находящееся в государственной и в то же время в общенародной собственности.

На первых порах элементы общенародной собственности действительно присутствовали – возьмем для примера хотя бы рабочий контроль, осуществляемый фабрично-заводскими комитетами. Но очень скоро рабочее самоуправление свернули, передав все в руки государства. Рабочих серьезно «подставили», однако дело свое они сделали, выгнав буржуазию и утвердив диктатуру бюрократии. Но даже и этой бюрократии они подчинялись без какого-либо серьезного протеста. Все же – не буржуи!

Это, кстати, снова доказывает, что капитализм в России почти не утвердился. Он не сумел создать настоящей буржуазии и настоящего же пролетариата. Пролетарии никогда не осуществляют антикапиталистических революций, ибо составляют вместе с буржуазией некое единство. Да, они могут серьезно ссориться, обмениваясь «любезностями» в виде забастовок и локаутов. Но это из серии – милые бранятся, только тешатся. Рабочий класс никогда и не думал свергать буржуазию, что блестяще доказала история Запада. Там были сильные коммунистические партии (итальянская КП в 70-е годы получала более трети голосов на выборах), однако они нигде не победили. Напротив, большинство коммунистов, в конце концов, отказались от ленинизма, перейдя на позиции еврокоммунизма (левая версия социал-демократии). Причем, что характерно, те же самые итальянские коммунисты прибавили к себе «евро» еще до крушения СССР.

Собственно говоря, а почему рабочие должны были выступать против буржуазии? Разве рабовладельческий строй пал в результате восстания рабов? Нет, он был подорван развитием новых, феодальных отношений. И место рабовладельцев заняли феодалы.

И феодализм ведь тоже не был сокрушен «угнетенным» классом крестьян. Его сокрушили буржуа.

Так почему же капитализм должен был пасть в результате рабочей революции? Ведь сами же марксисты учили, что в любой формации существует два основных класса. Один господствует, а другой – подчиняется. Зачем же основному классу рушить основу?

И европейский рабочий эту самую основу не сокрушал. А в России – да, поднялся против буржуазии. Почему? Да потому, что рабочий класс в России был наполовину крестьянским. Большинство рабочих были таковыми лишь в первом поколении. Многие отличались теснейшей связью с деревней, с аграрным хозяйством. И психология рабочих была тоже во многом крестьянской.

Историк Б. Н. Миронов пишет: «В дореформенное время свыше 90 % рабочих рекрутировались из крестьян, не терявших связи с землей и сельским хозяйством, накануне революции

1917 г. – около 50 %. Вплоть до 1917 г. около 90 % рабочих принадлежали к крестьянскому сословию. Огромное число рабочих были отходниками. Крестьянское происхождение обнаруживалось во всем: в организации рабочих коллективов, в обычаях и ритуалах, в неуважении к собственности, в отношении к буржуазии как к паразитам, в монархизме, в склонности к стихийным разрушительным бунтам, в негативном отношении к интеллигенции и либеральному движению и т. д. В рабочей среде было много крестьянских обычаев».

Попав на фабрику и завод, вчерашние крестьяне не отказались от своего крестьянства. Но при этом они еще и научились работать в условиях жесткой фабрично-заводской дисциплины. Мужик-селянин получил навыки существования в больших, сплоченных коллективах. А те, кто не попал на завод, получили эти навыки в годы мировой войны. Поэтому городской рабочий был не совсем рабочим, а солдат-крестьянин был уже не совсем крестьянином. В России сложилась какая-то новая общность, в которой соединились черты рабочего, крестьянина и солдата. Именно эта общность и осуществила, под руководством радикальной интеллигенции, социалистическую революцию.

По сути, это была новая крестьянская война (не случайно Ленина называли «Пугачевым с дипломом»). Но только ее вожди и участники взяли на вооружение выдающиеся достижения Запада – рационалистическую идеологию и партийную организацию. Ленину и его команде удалось соединить эти западные новшества и крестьянскую стихию, в результате чего он сумел одолеть прозападный капитализм. Но будь в России настоящий рабочий класс, сумевший сбросить «груз» крестьянской психологии, то у Ленина ничего бы не вышло. Он так и остался бы мечтателем-радикалом.

Все это позволяет лучше понять – какой же социализм построили большевики. Это был социализм «феодальный», точнее – патриархально-монархический. Ведь крестьянские войны никогда не были направлены против монархии. Тот же самый Пугачев объявил себя царем. Вот и в красной России было установлено нечто вроде монархии – при Сталине. А место дворян заняла партийно-государственная номенклатура. И новый «царь» – Сталин – был обеспокоен ее олигархическими устремлениями, решительно противостоя «партийному боярству».

Кстати, о монархии и монархистах. Мы немного подзабыли о консерваторах, а, между тем, их взгляд на рабочий вопрос достаточно интересен. Иногда они даже попадали, что называется, в десяточку. И в любом случае – признавали необходимость социальной защиты рабочих.

Редактор «Московских ведомостей» В. А. Грингмут в своем знаменитом «Руководстве черносотенца-монархиста» выразил это четко и кратко: «Положение рабочих, так же, как и других классов населения, нуждается в различных улучшениях...»

Часто националисты доходили до констатации чуть ли не катастрофического положения пролетариев, сопрягая ее с нравственным потрясением. «Мне не раз приходилось рассматривать детей в рабочих слободках, ютящихся вблизи больших заводов и фабрик, – писал И. А. Родионов. – Боже мой, какое болезненно гнетущее впечатление выносится из этих невольных наблюдений!.. Боже мой, это не дети, а тронутые морозом и подточенные червем, на маленьких стебельках, наполовину увядшие цветы. Они малы, слабы, бескровны, почти все с какими-нибудь органическими недостатками».

Тихомиров видел связь между улучшением материального благосостояния рабочих и осознанием ими необходимости служения русским православно-монархическим идеалам.

Согласно ему рабочий, в отличие от сельского жителя, имеет больше возможностей для приобщения к достижениям городской цивилизации, среди которых выделяется просвещенность и вытекающее из нее умение сознательно формулировать свою политическую позицию. Однако рабочий находится в тисках эксплуатации, не позволяющей ему воспользоваться этими благами в должной мере. Поэтому, рассуждал бывший народник Тихомиров, надо смягчить

эксплуатацию, дав рабочему достаточно времени, чтобы он мог стать «сознательным борцом за русские идеалы».

Тихомиров предупреждал, что рабочий класс только тогда перестанет слушать революционную пропаганду, когда будут ликвидированы все ненормальные условия его жизни. В противном случае попытки монархистов отвлечь рабочих от революции окончатся провалом. Говоря о самой пропаганде, Тихомиров задавался вопросом: «Мыслимо ли противостоять ей одной традицией, да привычкой, которые, впрочем, подрываются сильнее всего в городе».

Плотно занимающийся хозяйственными вопросами Воронов указывал на сугубо экономический аспект проблемы: «Плохо оплачиваемый, слабообразованный рабочий не проявляет ни надлежащего внимания, ни необходимой интенсивности в работе». Он ставил успехи промышленного развития в прямую зависимость от повышения благосостояния трудящихся и порицал предпринимателей за «недостаточное понимание таких простых вещей».

Воронов еще в 1897 году сделал специальный доклад на Всероссийском торгово-промышленном съезде, в котором настоятельно убеждал русских хозяйственников способствовать развитию страхования рабочих.

Подобные воззрения нашли свое отражение в программных документах многих монархических организаций.

Так, Русское народное общество «За Веру, Царя и Отечество» потребовало пересмотреть трудовое законодательство в соответствии с «местными особенностями... и началами, принятыми в этой области в наиболее просвещенных промышленных государствах». Его идеологи говорили об ограничении рабочего времени для женщин и детей.

В своей избирательной программе 1906 года Союз русского народа пообещал, что он будет содействовать рабочим в «возможном сокращении рабочего дня», «государственном страховании рабочих на случай смерти, увечий, болезни и старости», «упорядочении условий труда».

Проблематика защиты рабочих интересов более детально разрабатывалась на некоторых объединенных съездах монархических движений.

Например, Четвертый Всероссийский съезд Объединенного русского народа (1908 год) высказался за всемерное развитие помощи рабочим, потерявшим трудоспособность вследствие вредных условий труда. Делегаты призвали создать эффективную систему государственного наблюдения за справедливой оценкой рабочего труда «сообразно с временем, характером работы, развитием рабочего... местными и временными условиями». Кроме того, они предложили создать особый рабочий съезд «для обсуждения исключительно экономических условий жизни и труда...».

Московский Съезд русских людей (1910 год) поддерживал требования страхования рабочих от увечий, преждевременного истощения и смерти. Для этих целей делегаты предложили создать особый страховой фонд, состоящий из средств государства, работодателей и рабочих. Его участники потребовали жестко контролировать устройство фабрично-заводских и жилищных (для рабочих) зданий. Под строгий контроль предполагалось взять и магазины на производстве.

Участники съезда считали, что при каждом промышленном предприятии следует создать общеобразовательную и специально-профессиональную школу. На фабриках и заводах нужно организовать широкое распространение общеобразовательных и технических курсов, библиотек, специальной литературы. Кроме того, на производстве «должны быть приняты все меры к искоренению не только жестокого, но и грубого обращения с детьми».

Это, впрочем, только социал-реформистские требования. Между тем, для полноты картины нужно рассмотреть патриархальные положения «рабочей платформы» съезда.

Московский Съезд русских людей выступил за установление церковной опеки над рабочими. Он призвал развивать религиозное обучение в фабрично-заводских школах, создавать

особые приходы для рабочего населения и активнее бороться с просоциалистическими сектами (имеющими влияние на пролетариат). Кроме того, предлагалось обеспечить рабочих церковной литературой. Делегаты съезда в своем коллективном постановлении отмечали: «...Христианское государство не может ни на одну минуту забывать о том, что человек живет не для стяжания одного лишь материального прибытка... но что он должен жить жизнью духа...» Они особенно возмущались желанием некоторых «прагматиков»-предпринимателей уменьшить количество праздников за счет увеличения количества рабочего времени. «...Не пришлось бы, – предостерегали участники съезда, – увеличивать и быстроту приближения человека к положению машины и рабочего животного».

Подобные вопросы поднимались и до того, как монархическое движение сформировалось. В 1902 году консерватор В. Успенский в журнале «Гражданин» обращал внимание на «ненормальные условия фабричной жизни, при которых рабочему человеку приходится, вопреки зову Церкви, входя в сделку с совестью... променивать Церковь на фабрику и в погоне за куском хлеба проводить в стенах последней те дни, что должны принадлежать... всецело душе». Он считал ненормальным предоставление рабочим всего лишь двух дней для подготовки к Таинству Причастия (перед Пасхой). «Натура... рабочих, – уверял Успенский, – всем существом тяготеет к Церкви...» Необходимо лишь дать им материальную возможность осуществить полноту духовной реализации.

Даже «пролиберальный» Всероссийский национальный союз разделял религиозно-патриархальный подход к «самому прогрессивному» классу. Касаясь его социального положения, московские идеологи организации определяли: «...Праздничный отдых должен свято соблюдаться».

Консерваторы почти дошли до идеи создания православного рабочего движения. Им оставался еще один шаг до того, чтобы придать религиозную мотивацию прорыву в индустриальное общество. Индустриализация могла бы проходить в условиях религиозного подъема и восприниматься как некая сакральная обязанность укреплять Православную Империю. К слову, о такой возможности очень ярко написал Дмитрий Галковский: «Высшая форма русского труда – труд религиозный, монашеский. Это единственный вид „второстепенного“, но вполне сообразного труда, именно труда-послушания... Историки недоумевают. Русский рабочий в начале века зарабатывал примерно столько же, сколько и западноевропейский (например: донецкий шахтер в 1904 г. в день 3,6 франка, бельгийский – 3,9). Откуда же беспорядки, злоба? Ведь не в одной же провокации все дело. Да русские на заводах могли бы вообще бесплатно работать, если бы индустриализацию проводили люди, знающие Россию. Как пошли бы на конвейер с иконами да хоругвями, с песнями... И ничего странного, в Японии, по другим причинам, в ином качестве, но сходно поступили... Да и в России, только уже вывернутой, советской, как опошление...».

Но эта возможность была упущена – опять-таки все испортил сверхконсерватизм.

Весьма любопытными были национал-консервативные проекты «оземеливания» русского пролетариата. Так, участники Московского съезда русских людей решили: «Государство первой своей заботой должно поставить предотвращение возможности превращения всего русского рабочего класса в безземельный пролетариат». Делегаты высказали обеспокоенность стремительным ростом числа рабочих, не имеющих своего земельного участка, и настаивали на оземеливании индустриальных рабочих.

Союз «Белое знамя» ставил благосостояние рабочих в зависимость от благосостояния деревни. Его идеологи утверждали, что богатая и сытая деревня «перестанет высылать на фабричный рынок массу конкурентов» и это поднимет заработную плату естественным путем, а кроме того, сократит продолжительность рабочего времени.

Но и здесь не было какой-то «искры», способной увлечь широкие массы. К тому же все требования защитить интересы рабочих зачастую сопровождалось весьма существенными ого-

ворками. К примеру, Царско-народное русское общество решительно отвергло возможность введения восьмичасового рабочего дня. Составители его программы определяли необходимую продолжительность рабочего времени наличием ростом производительности труда. Ссылаясь на страны Западной Европы (конкретно – Францию, где средняя продолжительность рабочего времени составляла тогда 11–12 часов), они рассматривали большое количество трудовых часов как необходимость чисто экономического порядка. Идеологи общества считали, что их уменьшение неизбежно вызовет снижение производительности труда и, соответственно, приведет к вздорожанию продуктов фабрично-заводского производства. «Это будет налог в пользу фабрично-заводских рабочих, – предостерегали они, – и взиматься этот налог будет со всех классов населения, в том числе и с крестьянина, который не справляется с числом часов в рабочем дне, а работает по 20 часов в сутки...»

Прослеживаются вполне понятные опасения по поводу возможного роста иждивенческих настроений в социальных низах. Причем в ряде случаев данные настроения ставились в связь с настроениями революционными.

Журнал «Деятель» во время революции 1905–1907 годов яростно нападал на петербургское общество, снабжающее продовольствием бастующих пролетариев: «И это в то время, когда в том же Петербурге ходят с протянутой рукой искалеченные, изболевшиеся, вконец обездоленные наши солдаты и матросы, которые муки нечеловеческие терпели... когда петербургские рабочие отказывались работать на военных заводах, вырывая у „буржуазного правительства“ и с голодного народа себе всякие вольности». Журнал был уверен, что, поощряя этих «тунеядцев», правительство поощряет страшное социальное зло, ведущее к анархии и крамоле.

Забастовщиков монархисты вообще критиковали очень и очень жестко, посвятив данной критике немало брошюр и статей. Они пытались доказать, что забастовки невыгодны подавляющему большинству российского общества, в том числе и самим рабочим.

Монархисты уверенно заявляли – забастовки ущемляют интересы потребителя. Именно на него промышленные предприниматели и перекладывают свои убытки, получающиеся в результате уступок рабочим. При этом крупный капитал, по мнению монархистов, никакого ущерба не несет, ибо потери от забастовки компенсируются повышением цен. Помимо того, крупные капиталисты еще и повышают цены – выше того уровня, который необходим для компенсации. Они уверены – «забастовка все спишет».

Националист Л. А. Сахарнов в 1906 году писал: «...При появлении стачек и забастовок все крупные мануфактуры, без всяких еще союзов, получили за истекший год, как видно из отчетов, основательные барыши; а пострадал мелкий промышленник».

Приводились и конкретные примеры. По данным журнала «Прямой путь», после забастовки 1913 года цены на нефть и ее продукты поднялись до невозможного. Повышение, однако, этим не ограничилось и пошло по «цепочке», что выразилось во вздорожании фабричного топлива, увеличении стоимости фрахта.

Монархист В. Новгородцев называл конкретные цифры потерь со стороны рабочих-металлистов, взятые из доклада их профсоюза. В 1902 году благодаря забастовочной борьбе зарплата металлистов выросла (в среднем) на 19 %. Однако за это же время стоимость жизни рабочего повысилась на 23–25 %, то есть в итоге рабочие потеряли от 4 до 6 %.

А вот И. Соболев подметил, что во время забастовок, когда рабочие не трудятся, зачастую возникает и растет их задолженность. Последующее получение требуемой прибавки (если оно вообще происходит) компенсирует только сам долг, но не увеличивает достаток.

Националистическая газета «Вече» подошла к проблеме забастовок с социально-нравственной стороны, осветив такое явление, как рост пьянства, неизбежный в случае прекращения работ. Само пьянство неизбежно ведет к перекладыванию любого излишка в карман трактирщика и т. п. «благодетелей».

Некоторые консерваторы даже упрекали забастовщиков и стоящие за ними левые силы в тайном сговоре с крупным капиталом или некоторыми его представителями, использующими социальный протест для осуществления олигархических намерений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.